

Игорь Караулов

Поэт, публицист. Родился в 1966 году в Москве, где проживает и по сей день. Окончил географический факультет МГУ. Автор семи поэтических книг: «Перепад напряжения» (2003), «Продавцы пряностей» (2006), «Упорство маньяка» (2010), «Конец ночи» (2017), «Ау-ау» (2018), «День святого Валентина» (2021), «Моя сторона истории» (2022), а также сборника статей «Трудный возраст века» (2020). Участник коллективного сборника «Русские верлибры» (2019). Стихи публиковались в журналах: «Знамя», «Новый мир», «Волга», «Арион», «Плавучий мост», «ШО» и др. Проза публиковалась в журнале «Новый берег». Лауреат Григорьевской поэтической премии (2011). Победитель Волошинского конкурса (поэзия) (2017). Дипломант премии «Московский счёт» (2019). Лауреат премии «Лицо нации» (2022). Выступал в качестве публициста в газете «Известия», «Литературной газете», на сайтах «Свободная пресса», «Русская идея» и АПН, в интернет-газетах «Взгляд» и «Ваши новости», на портале «Современная литература».

Я не люблю демонстративных маек,
не выставляю чувства напоказ.
А ты, мой друг, талантливый прозаик,
и у тебя на майке: «За Донбасс!»

Но ведь и я всецело за него же,
и до такого градуса к тому ж,
что буква Z проявится на коже,
когда я встану под холодный душ.

Не спрятать вглубь и не прикрыть рубахой
мелькающую в окнах череду
разбитых АЗС под Волновахой
и яблони, цветущие в бреду.

Мы древние, но всё-таки не греки,
за местных не сошёл бы ни один.
Мы греческие ели чебуреки
в подвале у каких-то осетин.

А после на проспекте Metallургов,
где заново людскую строят жизнь,
асфальтовый каток из Петербурга
серьёзно нам гудел: «Поберегись!»

Донбасс цветёт сквозь все свои печали,
и на весеннем солнышке для нас
простреленные трубы «Азовстали»
под ветерком наигрывают джаз.

В гостинице шурум-бурум,
гремит уборщица ведром,
а во дворе весенний шум,
играет ветер букварём.

О них узнаем из газет,
о них в сети заговорят,
а здесь их будто бы и нет,
весёлых влюбчивых ребят.

В фойе распахнуто окно,
там суетливый птичий труд
и голос, вымерший давно,
для них поёт про пять минут.

Тут можно кофе попивать,
как будто времени вагон.
— У нас сегодня фестиваль.
— А нас везут на полигон.

У одного в руках планшет,
другой получит автомат.
— Короче, здесь их больше нет,
но были пять минут назад.

Так скажет юная на вид
администраторша в фойе
с губами, ждущими любви,
и с химией на голове.

И с красной туфлей на ноге,
как отголосок прежних мод,
и с этим мягким южным «г»,
что с потрохами выдаёт.

Какой ни выбери маршрут
на край судьбы или Руси,
тебе осталось пять минут.
Успеешь если на такси.

***

Занесёт же в степной городок
в стороне от значительных вех,
где фанерный стоит коробок,
продающий кальяны и вейп.
Где в меню базиликовый сидр
и обилие крафтовых пив.
Где с утра ты садишься в такси,
на ветровку шеврон нацепив.
И цыганка на улице Л.
нагадает тебе по руке,
что ты будешь удачлив и смел
в этом южном степном городке.
Но ты видишь огрызки от стен
и посёлок, разбитый врагом.
Это рядом? Да нет, не совсем.
Час автобусом, дальше пешком.
Это в воздухе. Это поверх
колоннады рисует весна,
и по небу, как платья невест,
проплывают на юг времена.

Не на озере, не на реке,
но с холма замечательный вид.
Где-то рядышком и вдалеке
от судьбы, что сегодня кровит.

***

Христос воскрес в Новосибирске,
из склепа вышел, сняв засов.
Ещё не здесь, но очень близко,
в пределах четырёх часов.
Искрится Обь металлом лётным,
вот-вот взовьётся до небес.
На радость детям и животным
Спаситель вовремя воскрес.
Наутро он сидит в пельменной
и травит притчи мужикам,
на вид такой обыкновенный,
как инди-этно-музыкант.
В пельменной, помнишь, что на Красном,
где заседали мы с тобой,
и жизнь казалась не напрасной,
и смерть не станет таковой.
Христос пельмени мажет маслом,
с лица стирает смертный грим.
В подвале на проспекте Красном
все воскресают рядом с ним.
За первой просится вторая,
уходит зимняя тоска.
А я по Ленина гуляю
с глазами, полными песка.

У нас была одна страна,
хотя уже случались трения.
В душе цвели стихотворения
Василия Бородина.
Он взял и выпал из окна,
разбил свой мозг, орешек знания.
О нём писали все издания.
В тот день закончилась весна.
Стояли стулья во дворе
музея третьего Толстого.
Не ради водки, ради слова
сошлись мы, как на корабле.
Там поминали мы певца,
нескладного, как всё московское:
Амелин-младший и Тишковская,
и хлеб ломался, как маца.
О чём я говорил тогда?
Как с ним едва не познакомился?
Читала лесбиянка-скромница
стихи про снег и холода.
Как нынче это далеко!
В мозгу летают беспилотники.
Вокруг другие соразработники
в другой словесной мастерской.
Среди грохочущих стволов
не разобрать живого голоса.
Я помню Михаила Гронаса.
Теперь он точно за хохлов.
Теперь мне точно всё равно.
Мы мчались по донецкой трассе,
а в небесах, быть может, Вася
слагал своё «Бородино».

Все либералы — это мы,
в лаптях пришедшие с мороза.
Неизоцрѣнные умы,
не дочитавшие Делёза.

Мы разбираемся во щак
и знаем, как растёт морковка.
Мы не научены прощать,
и мы прощаем так неловко.

Одни стенают: суд идёт!
Другие млеют от испуга.
Но почитатели свобод
без нас загрызли бы друг друга.

И проклинатели страны,
и призыватели позора,
конечно, будут прощены
назавтра после приговора.

Они воротятся назад
и будут вновь в тепле и в силе,
но никогда нам не простят,
что их по-глупому простили.

«Стыдно жить в такой стране», —
говорили, морща лица,
процветавшие вполне
обитатели столицы.

Журналисты и певцы,
режиссёры новой драмы,
и филологи-скопцы,
и девицы из рекламы.

Внемля этой болтовне,
я смеялся, орк и вата,
но со временем и мне
что-то стало стыдновато.

Стыдно жить в такой стране,
где бравурные парады,
но ни слова о войне
ни со сцены, ни с эстрады.

Где веселье у бояр,
а для нищих — распродажи.
Где солдата в модный бар
не пускают в камуфляже.

Призрак договорняка
и мобильник для Калины.
Лисий шаг Медведчука
вдоль позорных красных линий.

Брошенные города
и предательские книги.
Много пищи для стыда,
хоть корми ей Чад и Нигер.

Стыдно мне за пир воря
за кулисой министерской.
Стыдно и за то, что я
здесь стою, живой и дерзкий.

Но не стыдно за страну,
что из гноища восстала,
и не стыдно за струну,
что звенит в часы привала.

И не стыдно мне за тех,
кто штурмует лесополки
и на голой высоте
танки жжёт у Новосёлки.

И за женщин, что плетут
маскировочные сети,
и за всех, кто с нами тут,
всех, кто наш на этом свете.

За героев, за солдат,
маршем вышедших в святые.

Мне не стыдно. Мы — орда.
Стыдно мне. Мы — Византия.

***

Такого лета не было, наверное, лет сто.
Не знаю, осень будет ли, но хочется дожить.
Я превратил поэзию в осиновый листок:
повеет ветер ласково, а он уже дрожит.

Все облака с котомками бегут за Верхний Ларс.
Земля — корзина с фруктами, не счесть её даров.
Я превратил поэзию в пропагандистский фарс,
в солдатскую харчевню на стыке трёх дорог.

На привокзальной площади стою на смех врагам.
А чем мне это выгодно, узнаете, когда
в пастушескую дудочку задует ураган
и голосом кукушки заговорит орда.